

ВЯЧЕСЛАВ МАРТ

ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ
ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ

книга 2 Принцессы особого назначения

18+

Вячеслав Март

**Испытание для царственных особ.
Принцессы особого назначения.**

«Автор»

2026

Март В. В.

Испытание для царственных особ. Принцессы особого назначения.
/ В. В. Март — «Автор», 2026

Эта книга — продолжение истории семьи Николая II. Им удалось избежать расстрела в Екатеринбурге, спастись и добраться до Омска. На передний край борьбы выходят дочери царя: четыре сестры, четыре судьбы, одна цель — победить, чтобы спасти страну и самих себя. В этом мире любовь может казаться слабостью, милосердие — риском, а каждый неверный шаг грозит гибелью. Здесь каждая жертва, каждое чувство и каждый выбор меняют ход истории. Откройте книгу — и станьте свидетелем рождения другой России.

© Март В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вячеслав Март

Испытание для царственных особ. Принцессы особого назначения.

Глава 1

На вокзале было много солдат и офицеров Чехословацкого корпуса: здесь у них находился один из штабов. Именно им и адъютанту коменданта Омского гарнизона поручили встретить царскую семью вместе с её сопровождением.

Встречавшие точно знали, что последний вагон состава, в котором и должна быть царская семья, будет первого класса и синего цвета. Только он оказался светло-коричневым — второго класса. Все стояли в растерянности, не зная, что делать. Лишь когда из вагона вышел Дмитрий Малиновский со своими товарищами и обратился к офицерам, ситуация начала проясняться:

— Кто ответственный за встречу Государя? Мы — охрана царской семьи. Она находится в другом вагоне.

Адъютант и офицеры выдохнули с облегчением. Один из них отвёл Малиновского в сторону, представился и сообщил, что ему поручено доставить всех в штаб Сибирской армии. Дмитрий Аполлонович всё объяснил: рассказал о нападении на поезд.

Уже через полчаса царская семья и её сопровождение на нескольких машинах отправились на встречу с генералами Белого движения.

Нас привезли в дом генерал-губернатора. В моей реальности здесь размещался музей, информация о котором находилась в открытом доступе. Я легко вспомнил расположение всех комнат. На втором этаже они были проходными и располагались кольцевой анфиладой, при-мыкая друг к другу. Повернув с лестницы в одну сторону, можно было пройти сквозь все помещения и снова выйти к началу, обойдя всё по кругу. Даже уборная была проходной. Пожалуй, такое пространство удобно именно для музея.

Вслед за адъютантом мы поднялись на второй этаж и оказались в большом зале. Слева и справа через проёмы виднелись расположенные напротив друг друга комнаты. Двери в залах были открыты, ощущалась глубина помещений. Из зала прошли в комнату для совещаний. Я-то знал, что раньше эта была столовая. Адъютант доложил о прибытии, после чего ему разрешили удалиться.

Николай II, пока мы шли, всё время оглядывался. Оказавшись в зале заседаний, он осмотрелся. Заметив это, я поинтересовался:

— Всё изменилось? Вы ведь в последний раз были здесь в 1891 году, если не ошибаюсь?

— Да, верно. Так давно, что уже не могу вспомнить, как же здесь всё было.

Встречавшие нас военные выстроились во фронт, отдавая честь государю. Наши ребята тоже встали навытяжку — Андрею Шереметевскому это далось с большим трудом. Я, не подумав, отдал нашим ребятам команду:

— Вольно!

Парни тут же перевели взгляд на государя. Тот кивнул.

— Вольно, — отдал приказ Николай II уже для встречающих.

Всех, кто нас приветствовал, я узнал: запомнил по фотографиям, когда изучал в интернете материалы по теме Белого движения. Присутствовали генералы: Болдырев — главнокомандующий вооружёнными силами Директории, выполнявшей функцию Временного всероссийского правительства; Иванов-Ринов — командующий Сибирской армией, одновременно

военный министр Директории и войсковой атаман Сибирского казачьего войска; полковник Сахаров — начальник штаба Болдырева.

А вот то, что до Омска так быстро добрались командующий Чехословацким корпусом генерал Шокоров Владимир Николаевич и начальник его штаба генерал Дитерихс Михаил Константинович, было удивительно. Впрочем, о нас и наших планах им было известно — вот и поторопились.

Сообщили, что задерживался и вскоре должен появиться полковник Волков — военный комендант Омска. Императрице и великим княжнам предложили сесть на диваны, Даша заняла стоявший рядом стул. Все остальные остались стоять.

Император сел во главе стола, но не пригласил присесть присутствующих. Я устроился рядом, по правую руку. Боткин, немного подумав, тоже присел возле стола. Все внимательно смотрели то на царя, то на меня. Лишь Вершинин и Болдырев отвлеклись друг на друга.

Первым заговорил Болдырев:

— Здравствуй, Глеб, — обратился он к Вершинину.

— Здравия желаю, Ваше превосходительство. Здравствуйте, Василий Георгиевич.

— Вы знакомы? — поинтересовался Иванов-Ринов.

— Да, — ответил Болдырев. — Мы воевали вместе. На фронте он был одним из лучших в отряде особой важности. Организовал ряд дерзких рейдов по тылам врага. Партизанил не хуже атамана Пунина*. Этот малый стоит сотни солдат. Отличная выучка, талант к военному делу. Георгиевский кавалер. Старший унтер-офицер...

— Подпрапорщик, — поправил его Вершинин.

— Да, точно. Мне докладывали, что ты возглавил команду после гибели вашего командира... твоего друга, — с сожалением добавил генерал.

— Так точно, — глухо произнес Глеб.

Я заметил, как изменились лица офицеров. Они смотрели на него с уважением.

Я ждал, когда император что-нибудь скажет, объяснит, что власть поменялась, что теперь все подчинены не только одному человеку, но и одной идее — построению нового государственного строя с сохранением монархии.

Николай II медлил: осматривал присутствующих и не спешил начать разговор.

— Здравствуйте, господа, — довольно дружелюбно начал он. — Ничего не хотите мне сказать?

Все по-прежнему молчали.

Я смотрел на Иванова-Ринова. Он уже стал военным министром? Но ведь Гришин-Алмазов должен занимать сейчас этот пост. Похоже, эти деятели уже сместили его. Колчака здесь нет. Но он, вероятно, может появиться позже, вместе со своей идеей военной диктатуры и с претензиями на верховную власть. Значит, время ещё есть, чтобы попытаться что-то изменить.

— Павел Павлович, — спокойно и вежливо обратился я к Иванову-Ринову, — куда дели Гришина-Алмазова? Ведь военным министром должен быть он.

Генерал сначала растерялся, но быстро собрался и ответил:

— Он отбыл в распоряжение Добровольческой армии Юга России. 27 июля вместо него назначили меня.

— Всё-таки «выдавили» его? Ну что ж, господа, теперь вы подчиняетесь нам.

— Что? Да кто Вы такой? — вырвалось у недоумевающего Иванова-Ринова. Остальные благоразумно молчали.

— Я — Измиров.

— Измиров... — повторил сначала Иванов-Ринов, а потом и Болдырев.

— Итак, — продолжил я, — Император освобождён. План свержения монархии провалился, и он по-прежнему — верховная власть.

Я почему-то не испытывал трепета перед этими людьми, так что не собирался останавливаться.

— Император поручил мне решить вашу судьбу. Предстоит выяснить, сможет ли он вам доверять. Вы все, как минимум косвенно, причастны к заговору по свержению самодержавия. Потому что позволили кучке самозванцев, негодяев и выскочек захватить и удерживать в заложниках императора. Его заставили, обманом и угрозой расправы над семьёй, подписать никчёмную бумажку, которую вы с радостью признали законным актом — лишь бы сохранить места и привилегии. Разве это не предательство?

— Вы об этом подумали? — обратился я к Болдыреву. — Вы ведь там были, когда эти негодяи угрожали вашему государю. Что же вы, Василий Георгиевич, ничего не сделали? Ведь могли спасти Отечество от смуты.

Болдырев буквально начал задыхаться. Он долго пытался подобрать слова и, наконец, через силу произнёс:

— Я не знал... Я не понимал... Я готов искупить.

— Да что вы себе позволяете? — снова вмешался Иванов-Ринов, глядя на меня.

— Молчать! Меня слушать!

Все присутствующие перевели взгляд на Николая II.

— Вам не только придётся его слушать, — высказался император, — но и выполнять то, что он скажет.

Все снова посмотрели на меня. Я продолжил:

— Только два генерала имели мужество заступиться за Царя: Нахичеванский и граф Келлер. Два человека, по-настоящему заслуживающие уважения и доверия. Как же так? Русские генералы предали, а двое, не русских по происхождению, остались верны Государю?

— Немедленно их разыскать и вернуть на службу! — резко вклинился царь.

Я задержал взгляд на Иванове-Ринове. «Он стал военным министром, — рассуждал я. — Тогда, получается, верные слуги и учителя царской семьи уже могут быть в городе». Выяснить бы. Видимо, в этом мире всё-таки произошли изменения.

Вошёл Волков. Я дал ему возможность подойти к Николаю II.

— Волков Вячеслав Иванович, военный комендант Омска, командир Первой Сибирской казачьей дивизии.

Царь кивнул и подал руку.

— Вячеслав Иванович, это господин Измиров Герман Александрович, — представил он меня. — Человек, который организовал наше спасение и прибытие в Омск.

— Не я один, — поправил я. — Необходимо отметить моих соратников, присутствующих здесь. Особую роль в освобождении государя сыграл Вершинин Глеб Николаевич — мой помощник в организации побега из дома Ипатьевых. Вы с ним, Василий Георгиевич, как выяснилось, хорошо знакомы.

— Побольше бы в армии таких, как он, — высказался Болдырев.

— Его сестра, Дарья Николаевна, вместе с их родителями тоже нам помогала, — продолжил я. — Они участливо и самоотверженно заботились о нас, пока мы скрывались. Дарья Николаевна теперь будет находиться при царской семье.

Я замолчал, а через секунду император продолжил.

— Так вот, вам следует прислушаться к тому, что вам будет говорить господин Измиров. Это крайне важно. И если он о чём-то вас попросит, то без сомнений выполняйте все просьбы. Мы ему полностью доверяем.

Кто-то усмехнулся, но я не успел разглядеть, кто именно.

— А вот это вы зря, — пришлось вмешаться. — Я вам не Григорий Ефимович*. Времени у нас мало, и разглагольствовать, как вы тут делали прежде, мы больше никому не позволим.

И пока Николай Александрович не сомневается в моих решениях, я буду поступать так, как считаю нужным. Не советую вам перечить мне и легкомысленно относиться к моим словам.

— А если вы согласны нам помогать, то самое время подготовиться к решительным, очень решительным действиям. Когда дело сделаем, я уйду, можно сказать, исчезну. Вот тогда и сможете разглагольствовать: кто из вас чего сделал для спасения России и кто чего заслужил.

Присутствующие оживились — подходили к Николаю II, клялись в верности. Последним это сделал Волков.

— Что теперь? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Мы разместимся в доме генерал-губернатора. Позже поговорим, как тут устроиться.

Разглядывая Волкова, я вспомнил о его дочери Марии — выдающейся поэтессе Белой эмиграции. Волков занервничал под моим взглядом.

— Вячеслав Иванович, ваша дочь желает познакомиться с великими княжнами? Она этого очень хочет, ведь так?

Волков улыбнулся.

— Да, это так.

— Тогда пусть приходит.

— И вот ещё что. Проверьте, пожалуйста, проживают ли в гостиницах Омска баронесса Буксгевден...

— Боже мой! — воскликнули княжны. — Иза! Она здесь?!

— А также Елизавета Эрсберг, Пьер Жильяр и Александра Теглева, — продолжил я.

Лицо императрицы просветлело, а великие княжны заулыбались.

— Что же вы молчали? — слегка негодуя, высказалась Александра Фёдоровна.

— Простите, только сейчас вспомнил об этом. В голове столько всего...

Все внимательно наблюдали за мной.

— Их нужно доставить сюда.

— Всё правительство Директории распускается. Тех, кто решит продолжить деятельность, посадить под домашний арест.

— Меня тоже под арест? — возмутился Иванов-Ринов. — Я военный министр этого правительства.

— Нет. Присутствующих здесь это не касается. Вы останетесь при должностях, но в новом правительстве.

— Есть ещё вопросы? — Все молчали. — Вопросов нет.

— Кто не согласен?

Несогласных, как и следовало ожидать, не оказалось.

— И ещё: эсеров, кадетов и прочую сволочь, активно призывавших к свержению монархии и подстрекавших к смуте в армии, — под арест и в тюрьму. С ними позже разберёмся.

— Вы согласны со мной, Вячеслав Иванович? — обратился я к Волкову.

— Конечно, согласен, — довольно отозвался он. — Давно пора, да только некому было.

— Ну, а теперь есть кому.

Я вспомнил о братьях Пепеляевых. Старший, Виктор, как раз был из кадетов и вошёл в историю как соратник Колчака, расстрелянный вместе с ним. В Омск он должен прибыть в конце августа. А младший, Анатолий, сейчас должен быть в Иркутске — с ним обязательно необходимо встретиться и подружиться. Младший Пепеляев создал и возглавил 1-й Средне-Сибирский корпус Временного Сибирского правительства. Солдаты окрестили его «Сибирским Суворовым». Стремительная военная карьера: при Керенском в 1917 году он был подполковником, а в сентябре 1918 года, в моём мире, дослужился до генерал-майора, став одним из самых молодых генералов. На него тоже можно рассчитывать.

— И ещё, — продолжил я, — разыщите среди военных, находящихся в городе, Фёдора Васильевича Мелёхина.

Я знал, что в армии «белых» он занимался информационно-пропагандистской работой. Человек очень деятельный и эрудированный. После Гражданской войны в моей реальности Мелёхин принял большевистскую власть и при ней стал основателем и первым руководителем картинной галереи Западно-Сибирского краевого музея в Омске. Нам такой человек очень нужен.

— Теперь вот ещё что: завтра вам всем сообщат о времени аудиенции с императором. К тому моменту подготовьте подробный отчёт о происходящем в тылу и на фронте. Но первым, послезавтра с утра, пусть явится Михайлов Иван Андрианович. Не придёт сам — приведите под конвоем. Вообще известите бывшее правительство, что его членов пригласили на аудиенцию к императору. Тех, кто готов прийти, мы выслушаем и, убедившись в их компетенции, задействуем в собственных планах.

— Хочу также отметить, что при встрече будет присутствовать великая княжна Мария Николаевна как личный секретарь Его Императорского Величества, — пояснил я. — Говорю это, чтобы вы потом не удивлялись.

Но удивилась, кажется, только Маша.

— Чуть позже вы узнаете о структуре, которая, как нам видится, станет эффективной для быстрого взаимодействия друг с другом и принятия решений по самым насущным проблемам. Ещё, Вячеслав Иванович, уведомите купчиху Шанину Марию Александровну, что мы нуждаемся в её услугах. Узнайте, когда она сможет подъехать и привезти готовые платья для императрицы и княжон. Может быть и остальным что-нибудь предложит.

— Шанина? — произнёс он заинтригованно. — Сделаем!

— И вот ещё. Пожалуй, выскажу просьбу от всех: нужно заказать заупокойную литургию. Посоветуйтесь с архиепископом Сильвестром. Не считите за труд распорядиться.

— Хорошо, всё будет сделано, — удивленно произнес он.

— А теперь о людях, прибывших с нами.

В этот момент в проёме появился молодой поручик и застыл.

— Костя! Костя Попов, это вы? — буквально завизжала Анастасия и, не стесняясь, бросилась к нему.

— Вы меня помните, Анастасия Николаевна? — заулыбался поручик, совсем забыв о приличиях.

— Это как же вас забыть?!

— Анастасия! — одёрнула её Александра Фёдоровна.

Поняв, что ведёт себя неподобающе, Настя протянула ручку поручику, который тут же приложился к ней, и встала к Косте ещё ближе.

— Поручик Попов, Константин Сергеевич, — доложил он. — Готов служить Вашему Императорскому Величеству.

Настя сияла и выглядела по-настоящему счастливой.

— А я тоже вас помню, — сурово посмотрела на Попова Александра Фёдоровна. — Как ваша рука?

Поручик неохотно поднял левую руку. Всем стало видно, что на ней отсутствовали мизинец и безымянный палец вместе с частью ладони.

— Всё хорошо, — подтвердил поручик и пошевелил тремя оставшимися. — Всё хорошо, — ещё раз сказал он и спрятал кисть за спину.

— Простите меня, я, кажется, не вовремя, — обратился он ко мне. — Но я так рад, так рад...

При этом он смотрел на императрицу умоляюще, словно просил разрешить остаться. Александра Фёдоровна, кажется, поняла это и мягко сказала:

— Можете остаться.

— Извините! — обратился молодой человек уже ко мне.

Я смотрел на поручика. Почему-то парень мне сразу понравился, хоть и вёл себя чересчур эмоционально.

— Продолжайте, — сказал Николай II.

— Так вот: смельчаки, участвовавшие в спасении царской семьи и прибывшие вместе с нами, — я всех представил поимённо, — отныне будут именоваться личной охраной императорской семьи. Кроме того, если я располагаю верными сведениями, в номерах «Европы» сейчас должен проживать полковник Кобылинский с супругой.

— Евгений Степанович тоже здесь? — с удивлением произнёс Николай II.

— И Клавдия Михайловна? — вторила ему императрица.

— Это нужно уточнить, — пояснил я, словно оправдываясь за то, что не сообщил раньше. — Если они здесь, то мы с Евгением Степановичем дополнительно обсудим структуру охраны членов императорской семьи.

— Мне можно в охрану? — подняв правую руку, обратился Константин Попов.

Анастасия умоляюще смотрела, прижав руки к груди. Казалось, ей было всё равно, что о ней подумают.

— Вам придётся пройти серьёзную проверку на пригодность, — произнёс я. Это было единственное, что пришло мне на ум: не отказывать же парню сразу.

— Дмитрий Аполлонович, прошу, проверьте кандидата.

— Так точно, сделаю, — тут же отреагировал Малиновский.

— Простите, — сказал Иванов-Ринов, — в каком вы статусе и как к вам обращаться?

Я посмотрел на Николая II. Император молчал, видимо, обдумывая, что сказать. Эта заминка лишь усугубляла неловкость момента.

Наконец он заговорил:

— Господа, господин Измиров обладает полномочиями, которые не были прежде прописаны. Сейчас я определяю их как чрезвычайные. На сегодняшний день он — полноправный представитель императорской семьи.

«Ничего себе!» — подумал я, не ожидавший такого доверия.

— Вы должны отчётливо понимать: он исполняет нашу волю до тех пор, пока я публично не объявлю иное. Господин Измиров будет представлять интересы всех членов семьи. И если, не дай Бог, со мной что-нибудь случится, вы должны довериться ему и спросить, как действовать дальше. Как бы странно это ни прозвучало, только он владеет наиболее полным представлением о происходящем, всей информацией для анализа и принятия своевременных решений.

— Вы провидец? — неожиданно спросил Иванов-Ринов.

— Да что вы, — усмехнулся я. — Я не умею видеть будущее, читать мысли или заглядывать в душу, чтобы узнать, что у человека на уме. Но я знаю, к каким последствиям приведут те или иные действия. Считаю это способностью быстро анализировать и находить решения как для сложившейся ситуации, так и для потенциально возможных. Я полагаюсь на собственные знания, и на людей, готовых мне помогать.

Я сделал паузу, давая всем осмыслить сказанное.

— Представляю вам офицера по особым поручениям — Шереметевского Андрея Андреевича. Запомните его.

Я подошёл к Андрею. Тот отдал честь высшему руководству.

— Итак, господа, на сегодня всё. Мы всё же с дороги. Обязательно обо всём поговорим, но позже.

— До свидания, — попрощался я со всеми. И с Вами Константин

Следом попрощался император, а за ним — остальные члены семьи. Военное руководство начало расходиться.

— А вы, Константин Сергеевич, — обратился я к Попову, — приходите завтра.

— Вячеслав Иванович, — задержал я Волкова, — останьтесь. Будем решать организационные вопросы по проживанию.

Боткин попросил у Волкова содействия, чтобы его устроили в какой-нибудь гостинице. Тот тут же распорядился.

Позже, встретившись с Пьером Жильяром, Евгений Сергеевич принял его предложение остаться жить на квартире, которую тот снимал.

*Отряд особой важности Леонида Пунина считается первым, отечественным спецназом, выполнявшего разведывательную и диверсионную работу во вражеском тылу.

* Григорий Ефимович Распутин

Глава 2

— Итак, насчёт расселения, — начал было полковник Волков, но замялся, собираясь с мыслями.

— Говорите уже, — поторопил я его.

— Понимаете... — начал он. — Во дворце уже похозяйничали красные. И здесь, на втором этаже, в царском крыле, они успели наставить перегородок. В общем, нагородили тут ... Сейчас сами всё увидите.

Он поспешил добавить:

— Нет, ничего не разрушили. Просто из больших комнат понаделали много маленьких и тесных. Видимо, им очень хотелось пожить в царских апартаментах.

— Но жить-то можно? — это всё, что меня интересовало.

— Да. В этих комнатухах кровати остались. И окна в каждой комнате на месте. Сколько их было — столько и комнат наделали. Да ещё коридоров настроили.

— Это не страшно, — вмешался Николай II. — Главное, чтобы чисто, сухо и без сквозняков.

— И вызовите дезинфекцию, — распорядилась Александра Фёдоровна. — До тех пор, пока всё не обработают, спать мы там не будем.

— Понял, — принял к сведению Волков. — Сделаем.

Из столовой вернулись в большой зал.

— Давайте использовать эту часть зала для заседаний, — произнес я. — Внесем большой стол и стулья. А нынешнюю комнату для заседаний вернём к изначальному назначению. Вы согласны, что так будет лучше? — обратился я к Волкову.

— Да, понимаю, — согласился полковник.

— А там дальше что? — поинтересовался Николай II.

— Дальше гостиная.

— А спальни где?

— Давайте вернёмся и посмотрим первые три комнатки.

— Ну так ведите уже, — начал раздражаться император.

Снова оказались в комнате, где прежде распрощались с командованием.

— Это бывшая императорская столовая, — пояснил Волков и тут же съёжился, словно ожидая выговора. Пол был затоптан, на столе громоздились полные пепельницы — грязно, захламлено и накурено.

— Ну что же, — огляделся царь. — Пусть будет столовая. Только приберите здесь всё.

— Сделаем, — кивнул Волков.

Из столовой дверь вела в узкий коридор, освещённый одним окном; в нём находились три двери.

— Вот про эти комнаты я и говорил. В каждой есть кровать, тумбочка и больше ничего.

Ольга подошла и открыла крайнюю дверь. Комната была угловой с двумя окнами, выходящими на разные стороны света.

— Если позволите, я возьму эту комнату. Можно? — обратилась Ольга к отцу.

— Если тебе так хочется.

В это время Татьяна, Маша и Настя заглядывали в соседнее помещение.

— А это пусть будет моя, — попросила Татьяна.

Николай II пожал плечами.

— Хорошо.

В следующую комнату забежала Настя и, закрывая собой проход, объявила:

— А это моя будет!

— Эта комната связана со спальней, — пояснил Волков.

Настя только сейчас обратила внимание на ещё одну дверь.

— Хорошо, пусть будет твоя, — довольно произнес Николай II.

Все вошли в «Настины» апартаменты, чтобы через них пройти в другую, смежную комнату — она была больше тех, что достались трём сёстрам, и обстановка выглядела лучше.

— Ну вот и хорошо. Как тебе? — спросил Николай II у жены.

Та приподняла одно плечо — что это означало, мне было непонятно.

Александра Фёдоровна обратилась к Алексею:

— В каком месте хочешь поставить кровать?

Мальчишка, уже настроившийся на выбор комнаты, скусился.

— Мне всё равно, — разочарованно сказал Алексей.

Даша тихонько потянула Марию за рукав, пытаясь намекнуть, что и её тоже надо куда-то пристроить.

Позже очутились в ещё одной смежной комнате, поменьше. Она была с кладовкой. Внутри стояли две кровати, ширма, напольное зеркало и стол с двумя стульями. Даша ахнула: так ей тут понравилось.

Маша обратилась к отцу:

— Папа, мы с Дарьей могли бы здесь устроиться. Всё равно других комнат рядом с вами нет. А Дарья Николаевна будет нам помощницей — она много чего умеет.

— Хорошо, — кивнул отец, не заметив недовольного лица Александры Фёдоровны, стоявшей у него за спиной: она не одобряла дружбу дочери с беглянкой.

— Вот ведь... — послышался разочарованный голос Анастасии.

— Что дальше? — обратился Царь к Волкову.

— Из этой комнаты через коридор можно пройти в буфет — он не эксплуатируется. Оттуда снова можно попасть в столовую либо через коридор — в ещё одну комнату. Раньше здесь была приёмная, но красные и её разгородили, поделив пополам. В одной части остались два окна, а другая часть стала проходным коридором.

— Ведите, — скомандовал Император.

Через узкий коридор в буфет, а после — в широкий коридор, через который можно было выйти к лестнице, пройти в большой зал, столовую и дальше — к противоположному крылу здания.

Остановились перед дверью, которую открыл Волков.

— Вот, — продемонстрировал он комнату.

Увидев две кровати, Глеб решил вмешаться:

— Вы не будете против, если мы с Андреем Андреевичем разместимся здесь? Комната удобна как пост: она позволит блокировать доступ с этой стороны к вашим покоям. И комната Марии Николаевны будет под моим неустанным присмотром. Да и Андрей Андреевич, выполняя обязанности офицера по особым поручениям, думаю, должен находиться рядом.

Царь стоял молча. Он делал вид, что думает, но на самом деле прокручивал варианты отказа. Дело было не в Андрее Шереметевском — тут он ничего не имел против. Николая II смущала близость комнаты, где будет жить Глеб, к комнате Марии.

Тут вмешался Малиновский:

— Если позволите, мы могли бы занять комнаты в другом крыле, по углам. Таким образом под охраной окажется большая часть периметра здания.

— Да, — кивнул полковник Волков. — В противоположном крыле в одном углу расположен небольшой кабинет, совмещённый со спальней: вход туда через гостиную. В другом — детская, там тоже можно разместиться. Эти комнаты не заняты.

Теперь уже мне не терпелось внести своё предложение:

— Надеюсь, мне позволят занять этот небольшой кабинет. Я бы хотел спать, работать и находиться в комнате один.

— Да, конечно. Давайте так и сделаем, — согласился Государь.

Глеб и Андрей Шереметевский вошли в комнату между буфетом и лестницей. Подошли к разным окнам, быстро окинули взглядом вид за ними, поставили свои вещи на подоконник и ожидали дальнейших распоряжений.

И только тогда император понял, с чем он согласился, но было уже поздно. Николай II молча обвёл взглядом Андрея и Глеба.

— Н-да... — вырвалось у него. — Ну что ж, давайте обживаться.

— А в бельведере что? — поинтересовался я.

— Так в башенке прислуга бельё сушит. Но можем подняться — вид оттуда замечательный. Хотите?

— Нет, позже. Что с прислугой? — это больше интересовало монарха.

— Прислугу и всех остальных, кто приписан к дому, я представлю вам позже. Они живут в соседней постройке, во внутреннем дворе, — пояснил полковник Волков.

— Начните со столовой, — распорядился царь.

— К обеду в столовой не успеем прибраться, но к вечеру всё будет готово. Можно будет ужинать уже там.

— Это хорошо, это очень хорошо, — улыбнулась Александра Фёдоровна. — И не забудьте: полная дезинфекция. Всё постирать, чтобы к ночи всё высохло.

— Не волнуйтесь, сейчас же распоряжусь. Думаю, ко сну у вас будет всё чистое, сухое и выглаженное.

Когда я вошёл в новое жилище, оказалось, что из него можно попасть в комнату, где расположились Деллингсгаузен и Малиновский. Из их комнаты можно было пройти ко мне или в уборную, а оттуда — в бывшую детскую, где разместились Гершельман, Ярцов и Ахвердов. Уборная между их комнатами была проходной. Детская имела кладовку и свой выход в коридор. Она была похожа на комнату, где разместились Мария и Дарья, но чуть больше.

Дверь, разделявшая мою комнату и комнаты Барона и Малиновского, не запиралась.

Что интересно, в моей комнатке-кабинете стоял диван, где можно было вытянуться в полный рост, и одно кресло. У окна находились письменный стол и стул, а в углу — причудливая вешалка с интересными завитушками.

В соседней комнате, где жили Деллингсгаузен и Малиновский, было две кровати, журнальный столик и кресло, как у меня. В бывшей детской находились три кровати, столько же тумбочек и шкаф. В помещении Шереметевского и Глеба — две кровати и одна табуретка, пролетарская, выделявшаяся на фоне всей обстановки.

В общем, всё было так, будто специально ждали нас.

Малиновскому и Барону было удобнее проходить через «меня» в гостиную, так как из неё можно было попасть в большой зал, а из зала — в столовую. А мне через их комнату было ближе идти в уборную. В общем, как будто всех всё устраивало.

Глава 3

На следующий день царская семья собиралась в церковь, о чем заранее всех предупредила. Когда прибыли на автомобилях к кафедральному собору, вся площадь перед ним была заполнена людьми. Собралась разночинная толпа. Казаки взяли царскую семью и сопровождение в оцепление, создав коридор к входу в храм. Первыми из автомобиля вышла Императорская супружеская пара с цесаревичем. Алексей шёл рядом с отцом, немного прихрамывая. За ними парами шли великие княжны. Сначала Ольга с Татьяной, следом Анастасия и Мария. Маша замедлилась и отстала от Насти. Обернувшись, к людям с одной стороны "живого коридора" и поприветствовала их, махая рукой. Только в этот момент мужики на задних рядах начали снимать шапки. Люди опускали голову, демонстрируя почтение. Потом она повернулась к другой стороне коридора, всё повторилось. Так, неспешно, она шла к крыльцу собора. Люди выкрикивали приветствия, желали здравия Великой княжне, повсюду слышались восклицания и аханье:

— Как же хороша царица, просто красавица.

Несмотря на траурный наряд и платок на голове, в котором были сёстры и мать, прибывшие на литургию, Маша выделялась среди них. Не одеждой, а особенной аурой. Она не была такой хмурой, как Ольга с Татьяной, расслабленной и беспечной, как Анастасия, суровой и мрачной, как их мать с отцом. Только лицо Алексея не выражало ни грусти, ни радости, в его глазах читалась отстранённость. Маша же излучала очарование, не прикладывая к этому никакого усилия. Она приветствовала людей, потому что была уверена, что собравшиеся искренне радовались встрече с царской семьей. И Маша, как неотъемлемая её часть, относилась к толпе с достоинством и уважением. Она верила, что такое отношение к людям, сделает их добрее, а жизнь хотя бы на минуточку радостнее, ведь ничего не стоит поделиться со всеми хорошим настроением. Красивая, молодая и приветливая — Маша привлекала внимание. Стоявшие на крыльце отец и мать внимательно наблюдали за ней и, взглянув друг на друга, перестали хмуриться. Вверх полетели шапки, радостные возгласы стали громче, толпа ликовала, приветствовала царскую семью. Теперь и монаршие супруги махали толпе. От их мрачных лиц не осталось и следа. Николай II и Александра Фёдоровна одновременно подумали о том, как быстро меняется Мария, как одни её качества усиливаются, а другие, едва проявившись, становятся частью характера. Из робкой и застенчивой девушки Маша превращалась в отважного, решительного и уверенного в себе человека, способного быстро принимать неординарные решения, оставаясь при этом отзывчивой и добросердечной. Маша засияла, как яркая звёздочка, на свode Императорской семьи.

В храме было не протолкнуться, но толпа расступилась ради августейших особ. Архиепископ Сильвестр, стоявший у аналоя, внимательно смотрел на царскую семью. Первым к нему подошёл Император

— Ваше преосвященство, исповедуйте.

Исповедь Императора было недолгой. Отец Сильвестр наложил на его голову конец епитрахили и прочёл молитву. Царь поцеловал крест и Евангелие, отошёл от аналоя. После него исповедовалась Императрица. Её исповедь длилась гораздо дольше. Во время неё архиепископ несколько раз хмурился, бросал взгляд в сторону Императора. Выслушивая Императрицу, священнослужитель обратил взор к присутствующим, быстро пробегая по их лицам, и остановился на мне, задержавшись на несколько секунд. Мы внимательно рассматривали друг друга. Архиепископ первым отвёл глаза, продолжив слушать исповедь Александры Фёдоровны. Затем настала очередь Ольги. Священнослужитель слегка кивал ей, то ли соглашаясь с чем-то, то ли выражая какие-то другие эмоции. Затем — Татьяна. Архиепископ был неподвижен, казалось, даже не моргал, а когда Татьяна закончила исповедь, очень тяжело и горестно

выдохнул, прежде чем продолжить обряд. А после что-то сказал Татьяне, перекрестив трижды, после чего, ещё некоторое время, смотрел на неё, сжимая губы. Когда Мария исповедовалась, лицо священника словно окаменело — ни один мускул не дрогнул, будто он силился удержать внутри бурю. Но, в середине исповеди, оно изменилось и смягчилось. Он сосредоточено слушал Машу, а потом начал рыскать глазами по присутствующим, выцепив из толпы Глеба. Глеб также смотрел на архиепископа прямо. Отец Сильвестр спрашивал о чём-то Марию, она отвечала.

«Ой-ёй», — пронеслось у меня в голове. А вот об их отношениях, я ничего не знал. Неужто уже... Да нет, вряд ли. Ну то, что Маша наверняка уже целована Глебом и вполне серьёзно рассматривала их отношения, думаю, теперь архиепископу известно. Настала очередь Анастасии. По лицу священнослужителя читалось — он изо всех сил пытался не рассмеяться. Один раз всё-таки закашлялся, видимо, чтобы не сорваться совсем. Я не знал, о чём щебетала Анастасия, вряд ли выдумала или врала, не то воспитание. Но она могла признаться в каких-нибудь шалостях и проделках, о которых без смеха вряд ли можно слушать.

После началось богослужение. Во время ектеньи дьякон призвал молиться об упокоении душ усопших рабов божиих Анны, Алексея, и Луки. Про себя я подумал: «Алексей — это Баринов, погибший вместе с Людвигом Берзиеном, которого в Православии называют Лукой. Хотя камердинера Императора в семье тоже называли Алексеем, но Алоизий Трупп точно был католиком...»

... Еже проститься им всякому прегрешению вольному и невольному... Милости Божия, Царства Небеснаго и оставления грехов их у Христа, Безсмерного Царя и Бога нашего просим... Господи, помилуй.

У великих княжон и Александры Фёдоровны текли слёзы. Служба закончилась. Архиепископ вошёл на амвон и обратился к присутствующим. Его речь не походила на проповедь, скорее на призыв образумиться и объединиться вокруг царской семьи, помазанников Божиих, чтобы прекратить тот ужас, в который была ввергнута страна отступниками от Бога, к коим он причислил все партии, вольнодумцев, пропагандистов радикальных идей, в том числе членов Правительства и Думы, находящихся в Омске. Они, по его мнению, пеклись не о благе народа, а о власти над людьми, позабыв о христианских заповедях. Он назвал спасение царской семьи милостью Господа и призвал больше не испытывать его терпение, отречься от богохульников и перестать служить антихристу.

«Значит в этой реальности на архиепископа можно рассчитывать, он может быть нашим сторонником», — подумал я, слушая его речь. После службы царская семья вышла из храма и направилась к автомобилям, на ходу прощаясь с толпой. Маша отстала и не потому что хотела задержаться, а так как отвечала на вопрос какой-то женщины. Машу о чём-то спрашивали, а она отвечала в свойственной ей манере, с лёгкостью, короткими ёмкими фразами.

Взгляды тех, кто разглядывал царскую семью, разделились. Большая часть народу с восхищением рассматривала Марию.

— Маша, нам пора, — позвала её мать.

Маша, расставаясь с людьми, пожелала всем всего хорошего и, ускорившись, дошла до автомобиля, где уже сидела вся семья, чтобы отправиться обратно в генерал-губернаторский дворец.

Верховным казакам пришлось окружить автомобили, чтобы те смогли выехать с площади. Стоявшим впереди пришлось отгонять толпу, создавая небольшой коридор. Как только люди расступились, автомобили проехали и скрылись из виду. Толпа осталась.

По приезду мне пришлось сделать внушение Кобылинскому, исполнявшему обязанности начальника охраны царской семьи. Я задержал его, когда он собирался войти через парадную.

— Евгений Степанович, задержитесь, есть разговор.

Мы отошли от главного входа.

— Слушаю Вас, Герман Александрович.

— Евгений Степанович, вам следует изменить подход в охране царской семьи, особенно в части их перемещения в автомобиле по городу. Я знаю о приверженности Николая Александровича передвигаться в автомобилях с открытым верхом, чтобы всем был виден Государь. Но теперь придётся руководствоваться исключительно эффективными мерами для их безопасности и не бояться указывать императору на то, что речь идёт не только о его жизни, но и о жизни членов его семьи. Сегодня толпа могла, навалившись, попросту задавить тех, кто был в автомобиле, ведь оцепление едва справлялось с напором. В них с близкого расстояния могли бросить бомбу, выстрелить или даже дотянуться ножом.

Кобылинский побагровев опустил голову.

— Если бы что-то случилось, смогли бы с этим дальше жить? Отныне передвижение только в закрытых автомобилях. На подножках с каждой стороны должны быть по два охранника, закрывающие собой императора и членов его семьи. Впереди, кроме шофера, должен быть охранник. Вы согласны, что это необходимые меры?

— Да, согласен. — Кобылинскому тяжело было смотреть мне в глаза.

— Ну, вот и хорошо, я на вас надеюсь.

— Честь имею, — Кобылинский ушёл, а я остался размышлять, не много ли на себя беру.

— Надеюсь, он вас послушает. — Раздался голос Глеба за спиной.

— Ты что подслушивал?

— Просто случайно услышал, о чём вы говорили. Решил не подходить ближе.

— Значит, всё-таки подслушивал.

Глеб так и не признался.

— Вы всё правильно ему сказали, меня бы он точно не стал слушать...

Мне вдруг вспомнилось, что в это время, в железнодорожных мастерских, должны были собирать броневики из привезённых в Омск машинокомплектов. У армии Колчака они точно были.

Позже, на совещании, я задал вопрос:

— Скажите, бронеавтомобили, которые делаются в железнодорожных мастерских, когда будут готовы?

Мне ответил Иванов-Ринов:

— Так вчера только разгрузили три комплекта. Их даже и не приступали ещё собирать. Я хотел сегодня доложить, что мы наконец-то начали получать помощь от наших друзей из Североамериканских Штатов Америки.

Генерал сильно изменился в лице, кажется, теперь он убедился в том, что мне известно всё, что происходит.

— Когда соберут, то один из них нужно будет какое-то время использовать здесь, в городе, для охраны царской семьи. Кстати, нужно обязательно поговорить с американцами о возможности поставки, в том числе, и готовых бронеавтомобилей. Нужно попросить их потопиться. Сказать, что мы заплатим золотом. Думаю, государь подтвердит эти обязательства.

— Может быть вы сами с ними об этом поговорите? — предложил Иванов-Ринов.

— Нет, — отрезал я, — в военные поставки я лезть не должен. Это просто совет, я не собираюсь тянуть одеяло на себя, если вы понимаете о чём речь.

Иванов-Ринов и Болдырев переглянулись.

— Это хорошо, — заключил он.

Глава 4

Вспомнив о страшном происшествии 1 августа 1918 года в Омске, я думал о том, как его предотвратить. Решил, что нужно всё рассказать Волкову. Попросил его уделить мне время.

Я обдумал, что ему скажу, как представлю всё, чтобы не возникло лишних вопросов.

Когда мы уединились, полковник Волков был очень внимателен и серьёзен.

— Вячеслав Иванович, тут дело такое... Мне нужно вам кое-что сообщить. На первый взгляд это может показаться мелочью, но, всё проанализировав, я пришёл к определённым выводам. Уверен: если их проигнорировать, может произойти трагедия.

Волков ещё больше сосредоточился.

— По всей стране уже были случаи, когда грузчики проявляли небрежность при погрузке пороха: он рассыпался и при малейшей искре возгорался. Обходилось без жертв, но выводы очевидны. Вот о чём я вас попрошу. Завтра, 1 августа, на грузовом дворе городской железнодорожной ветки, где-то с 12:00 до 4:00 дня, будут разгружать артиллерийские снаряды и одновременно загружать чёрный порох. Нужно проинспектировать, как этот процесс организован в Омске.

— Свяжитесь, пожалуйста, с начальником штаба Степного Сибирского корпуса, чтобы он отправил кого-нибудь из офицеров артиллеристов проконтролировать разгрузку снарядов и загрузку пороха, — продолжил я. — Пусть внимательно посмотрят, как это делают местные грузчики. Не халатно ли выполняют обязанности, не рассыпается ли порох, его возгорание может привести к трагедии. Если офицеры-артиллеристы обнаружат такую проблему, нам необходимо незамедлительно принять меры, чтобы при погрузке и разгрузке боеприпасов избежать серьёзных неприятностей.

— Я вас понял и всё сделаю...

На следующий день, когда шло обсуждение материального обеспечения вновь сформированных частей, генералы жаловались на нехватку всего. В комнату, где помимо меня и Ксаныча находились ещё Болдырев, Сахаров и Дитерихс, влетел запыхавшийся Волков и попросил у императора разрешение обратиться ко мне.

— Герман Александрович, вы ведь правы оказались. Как же смогли всё связать и обо всём догадаться. Порох эти сволочи рассыпали и едва успели смести дорожку, как один из грузчиков подковой на сапоге чиркнул по металлу в кузове грузовика, от искры порох-то и вспыхнул. Да хорошо, что только пятном небольшим. Офицеры, которые мне об этом рассказали, описали, что могло бы произойти, если бы такая просыпанная «дорожка» из пороха добралась до вагона со снарядами. Как вы это смогли всё связать? Ну чутьё у вас.

— Это не чутьё, — поправил я его, — а анализ имеющейся информации. Очень рад, что вы меня послушали. И мы вместе смогли предотвратить трагедию.

Я подумал, что сейчас следует выйти, чтобы Волков всё пересказал присутствующим.

— Я вас покину ненадолго — обратился я к остальным. — Мне нужно отдать кое-какие распоряжения...

После ужина, когда все разошлись, Ксаныч вместе с Александрой Фёдоровной и Алексеем остались, в столовой. Я догадался, что они хотят поговорить со мной, поэтому задержался. Алексей остался — ему в принципе было интересно послушать разговоры взрослых. И каких-либо других занятий у него попросту не было.

— Вы знали об этом происшествии? — прямо спросил Николай II.

— Да, знал, — сказал я. — В моём мире это несчастье унесло жизни не менее 30 человек. Среди них были дети, случайно оказавшиеся там. Более 80 человек были ранены. Было уничтожено 7 специальных вагонов и 33 крытых, из которых 10 были гружёными. Разрушения оказались значительными. Хорошо, что здесь этого не случилось. Я обязан был не допустить

повторения трагедии. Все не сводили с меня глаз. Стало как-то неудобно. Я вышел из-за стола, сослался, что дел ещё много, откланялся и ушёл.

Глава 5

Когда Александра Фёдоровна вместе с фрейлиной баронессой Буксгевден Софьей Карловной, горничной Елизаветой Николаевной Эрсберг и гувернанткой царских детей Александрой Теглевой на следующий день зашла в зал на втором этаже, где должно было начаться совещание, она, не заметив ожидавших государя Иванова-Ринова, Болдырева, Шокорова, Дитерихса и Сахарова, обратилась ко мне с вопросом, отвлекшим всех.

— Герман Александрович, как вы считаете, в сложившихся обстоятельствах возможно ли, чтобы преданные нам люди жили с нами?

Все тут же уставились на меня. Это прозвучало как обращение за разрешением. Не к своему мужу — ко мне. Показалось, что она это сделала специально. Чтобы выяснить, что задумала императрица, я встал, подошёл к ней, мягко взял под локоть, и вывел из комнаты. Я раньше так поступал со своими сотрудниками, отвлекавшими меня от чего-то важного, но то были подчинённые. Только когда мы вышли в коридор, я понял, что мой жест и поведение только усилило общее замешательство.

— Вы ведь это нарочно сделали, так ведь? — спросил я напрямую.

— Конечно, — сказала она, — вам нужна власть над этими людьми, иначе они будут саботировать все ваши начинания.

Мне ничего не оставалось, как улыбнуться и признать, что это очень умно и благородно по отношению ко мне.

— Вы не представляете, — продолжала Александра Фёдоровна, — какие замечательные идеи могут быть похоронены из-за недопонимания, недружелюбия и интриг. У нас ведь совсем мало времени, чтобы всё исправить. Ведь так?

— Да, времени мало.

— Я ведь всё понимаю, — лицо царицы стало серьёзным, — что будет трудно реализовать задуманное, когда такой бардак и все думают только о себе. Я не хочу сидеть сложа руки. Буду делать всё, что от меня зависит, чтобы помочь. Поэтому сейчас вернитесь и заставьте этих людей делать всё необходимое.

Я уже намеревался уйти, но она задержала меня, ухватив за рукав:

— Так, нашим преданным друзьям можно остаться? — она едва заметно улыбнулась. — Две комнаты для прислуги всё ещё пустуют.

— Конечно, пусть живут, — ответил я, не скрывая восхищения ею.

Она тут же сделала серьёзное лицо, глядя на меня исподлобья. Я понял — нужно собраться, чтобы доиграть спектакль. Мы вернулись в комнату, где Александра Фёдоровна довольно чётко произнесла:

— Всё улажено, пойдёте размещаться.

Я после уселся на место, где собирался слушать, как будут обсуждать планы генералы Белого движения и Чехословацкого корпуса, который, формально, уже подчинялся французскому Генеральному штабу и считался автономной частью французской армии. Ещё несколько минут назад эти люди держались со мной холодно и отчуждённо. Теперь было видно, что с тем, кого уважает и ценит императрица, они собирались дружить. Наконец-то вошёл царь и первым поздоровался со мной. Не знаю, было ли это специально, обсуждала ли Александра Фёдоровна сценарий сего спектакля с мужем. Но именно с этого момента мне никогда и никого не приходилось о чем-то просить дважды.

Глава 6

Когда мы встретились в гостиной, было около полуночи

— Герман Александрович, — позвал император.

Я остановился.

Подойдя ближе и достав портсигар, царь замялся. Постучав папиросой по крышке портсигара, он неожиданно заявил:

— Герман, я шёл к Вам, чтобы поговорить. Давайте пройдем в столовую, там не помешают.

Как только я уселся за стол, Николая II сразу перешёл к делу.

— Скажите, вы ведь наверняка знаете, что нужно сделать, чтобы изменить ситуацию в нашу пользу.

— Почему вы решили, что я знаю?

— Гораздо легче смотреть из будущего в прошлое, отчетливее видны ошибки, к тому же, легче оценивать, что было правильно, а что — нет. Я сам, иногда оглядываясь на собственную жизнь, понимаю, что если бы оказался в прошлом, то непременно бы поступил по-другому. Иметь шанс всё исправить, это ведь так...

Он смотрел на меня, ожидая, что я пойму его.

— Ах, как бы я хотел оказаться в Ливадии, когда Алекс приняла православие, чтобы начать всё заново. Ну, а если серьёзно, помогите мне разобраться в сложившейся ситуации. Что нужно сделать в первую очередь, с чего начать? Что сделали бы вы? Я очень ценю ваше мнение.

Я задумался и ответил не сразу:

— Вы знаете, я ведь не военный, и не знаю, как изменить ситуацию на фронтах.

— Ну, а что бы вы сделали, как штатский?

— Как штатский я думал: «Единственное, что могу посоветовать, это только то, что умею хорошо делать».

— Знаете, мне кажется, нужно начать с контрпропаганды. Нашим оружием должны стать речи, воззвания, обещания, посулы, в том числе обращённые к врагам, к тем, кто их поддерживает и к тем, кто им сочувствует. Придётся договариваться с некоторыми из тех, кто нам противостоит. И нужна новая идея, способная объединить людей под нашими знамёнами.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что сейчас часть средств нужно направить на то, чтобы проводить контрпропаганду, препятствуя распространению популярности большевистской партии и их влиянию на людей. Для начала я бы некоторые их идеи, планы и программы начал поддерживать. Народ хочет перемен, нужно пообещать им это. Необходимо показать, а затем и доказать, что изменить жизнь к лучшему способны не только большевики. И начать надо с военнотружеников которые уже с большевиками и обратиться к тем, кто склоняется к переходу на их сторону. Собственно, все эти люди в большевиках видят всего лишь надёжных нанимателей, готовых предложить, кроме денег, перспективы улучшения жизни. Так как было при вас, люди больше не хотят — они желают сказку, которую им описывают большевики, веруя, что при них будет лучше. Люди вообще охотно верят, что в их бедах кто-то виноват. Революционеры выставили вас виноватым, и люди, не раздумывая, им поверили. Нам нужно найти новых виноватых. Если народ поверит, то сначала нас будут слушать, а потом будут делать то, к чему мы призываем. Это сложная многоступенчатая задача.

— И с чего следует начать? — Ксаныч слушал внимательно.

— Да с того же, с чего начали эти... мать их... революционеры. Нужна идея, как сделать жизнь народа лучше, но без всей этой большевистской банды. А их необходимо сделать

в глазах народа виновными в происходящем. Обязательно обвинить в том, что, всё разрушив, они ничего путного не создали. И делать это надо быстро, потому что как раз большевики способны с помощью жесточайшей диктатуры подавить волю к сопротивлению и заставить всех смириться с новыми псевдокоммунистическими порядками.

— Необходимо обещать перемены, но без возврата к старому. Будущее нужно представить народу таким, чтобы в него поверили и желали его скорейшего осуществления. Такое будущее, к которому народ сам стремится. Объясните человеку на понятном ему языке, что нужно для этого сделать, и он станет вашим сторонником.

Помните я вам рассказывал, что большевики предлагают народу построить вместе с ними свободное, счастливое, сытое будущее, а вы боретесь с большевиками, значит вы против такого будущего народа. Вот так всё просто.

Царь морщился.

— И что в первую очередь нам нужно сделать?

— Нужно взять под контроль все вооружённые формирования, находящиеся на Урале и в Сибири, и в первую очередь — Чехословацкий корпус. Сейчас они формально подчинены французам, необходимо их переподчинить нам. Их придётся нанять на полгода, это будут решающие полгода. Обещать им платить золотом, а через полгода пообещать тем, кто продлит контракт, удвоить жалование.

— Как удвоить? — вскинул брови Ксаныч.

— Через полгода нам могут понадобиться лучшие из них. Которые будут стоить двоих, а то и троих. Они будут учить и командовать новобранцами. С остальными просто расстанемся и отправим домой. Также нужно подумать, как из военнопленных, находящихся в лагерях по всему Транссибу, создать интернациональную бригаду легионеров, если получится, корпус. Эти люди умеют воевать. Их нужно заинтересовать и привлечь в наши ряды.

— Вообще нужно реформировать армию. Служба в ней не должна быть насильственной обязанностью. На первом этапе она должна быть финансово привлекательной, а в дальнейшем служащим следует предоставлять ряд привилегий — таких, чтобы они превосходили преимущества гражданской службы. Служение в армии должно стать престижным. Гарантией достойного уровня жизни военнослужащих и их уверенности в будущем должно выступать государство во главе с монархом — и никто другой. Я бы объявил о том, что формируется Белая гвардия и тем, кто в неё вступил, гарантировал бы приличное жалование и льготы. Оплата должно быть привлекательной, контракт на полгода. И не только с полным довольствием, но и с обязательствами — те, кто отслужит в Белой гвардии, предположим, двадцать лет, будут получать пожизненно пенсию, а всем, кто будет серьёзно ранен или получит увечье, будет обеспечена не только бесплатная медицинская помощь, но и пенсия по инвалидности. Как-то так.

— Мощности типографий, которые мы сейчас можем задействовать, слишком малы. Поэтому, необходимо срочно закупить оборудование и материалы для печати своих собственных газет, — продолжил я. — Печатать придётся миллионными тиражами и гораздо большими, чем это делают большевики. Эти вложения окупятся, должны окупиться. Поверьте, это может быть очень эффективным оружием. Также придётся платить за то, чтобы подготовленные люди вели агитацию среди населения и в вооружённых формированиях красных. А это стоит денег. Их придётся не жалеть, потому что альтернатива — у вас отнимут всё имущество, капиталы, и скорее всего жизнь.

— А что делать с солдатскими комитетами?

— Это хороший вопрос. Во-первых, новая армия должна формироваться кадровыми офицерами Императорской армии — без комитетов, с чёткой иерархией. Офицеры должны вернуть себе прежнюю силу и власть. Солдатские комитеты следует признать как представителей интересов военнослужащих. Соберём их в одном месте, чтобы обсудить их полномочия в новой армии. Сейчас их придётся купить и чем-то занять: наделить рангом младших чинов-

ников, обеспечить оплатой от правительства и предоставить определённые привилегии. Пусть сосредоточатся на собственных перспективах и не мешают нам. Чем больше они будут озабочены собственной судьбой, тем меньше станут нам препятствовать — и тем быстрее мы восстановим военный потенциал и сможем оказать давление на деструктивные силы, разрушающие страну. А когда окрепнем — всех сократим или попросту разгоним. Но это лишь малая часть того, что нужно сделать. — Нам нужно привлечь на свою сторону крестьянство, — я тяжело вздохнул. — Поэтому поступим, как большевики: передадим крестьянам все земли, принадлежащие царской семье, государству, дворянству, помещикам и церкви. И сделать это на основе справедливого, а главное, понятного им распределения. Также нужно решиться на приватизацию... Николай II смотрел на меня недоумевающе.

— Ах, да, это слово появится позже... В общем, передать безвозмездно государственную собственность в частные руки. Поделить это имущество на равные доли среди жителей, включая детей, стариков и женщин. И выдать эту долю в виде государственной бумаги, подтверждающей владение части всего богатства, что есть в государстве.

И пусть каждый захочет получить эту бумагу, и будет готов защищать новый порядок и своё право на получения этой доли. Пусть каждый представляет, как он сможет распорядиться своей долей превратив её в деньги, а полученными средствами распорядиться по своему усмотрению.

— Также придётся национализировать все предприятия страны, превратив их в акционерные общества, — произнес я. — Большую часть акций передать рабочим и служащим. Распределить их, между ними, равными частями. Часть, которую потом можно продать, передать государству. И ещё одну оставить собственникам вместе с правом выкупа доли у работающих и служащих этих предприятий. Думаю, владельцы сами поймут, что выкупить доли за 15–30% от реальной цены предприятия выгоднее, чем лишиться всего. Откупиться — безопаснее и разумнее.

Обязательно, нужно будет создать, что-то вроде, парламента с двухпартийной системой. Скажем, одна партия пусть называется Социалистическая, так как социалистические настроения очень сильны, а другая Демократическая.

— Зачем партии? — недоумевал Николай II.

— Ну, это политическое безобразие лучше поделить на двое.

— И как любил говорить генералиссимус Суворов, — цитирую я. — «Если ты не можешь предотвратить безобразие, нужно его возглавить». Социалистическую партию, например, может возглавить Ольга с единоличным контролем над финансами и имуществом партии, без возможности смещения. Партия будет доносить до народа идеи, а правительство, назначенное вами, — претворять их в жизнь. Фактически Ольга должна обеспечить реализацию предложений именно социалистической партии. Демократическая партия будет для всех остальных: от большевиков до народовольцев и социал-демократов. Все прочие партии запретить. Создадим им террариум единомышленников. Пусть грызутся между собой.

Какие-то идеи этих «буйных» тоже могут быть полезны для общества, к ним надо прислушиваться, а кого-то делать своими союзниками. В общем не давать будоражить общество.

— Я бы также создал два общественных движения. Первое для деловых кругов, где разрабатывают программы и инициативы в своих интересах, но и с учётом других слоёв общества. Власть будет взаимодействовать с ним напрямую. Второе же займётся борьбой с коррупцией, бюрократическим произволом и общественным контролем над непорядочными политиками. Туда я бы привлёк самых «буйных» и непримиримых, чтобы направить их энергию в полезное русло, подключить к настройке нового госаппарата. И, кстати, предлагаю Ольгу, сделать премьер-министром страны, по сути — главой государства.

— Почему Ольга?

— Во-первых, Вы ведь рассматривали вариант, где Ольга унаследует власть? Во-вторых, у нас любят женщин правительниц. А женщины премьер-министра ещё ни у кого не было. Подадим пример. Но, главное, ей под силу создать и отладить работу государственного аппарата. Мне кажется, именно энергия, ум, преданность Ольги позволит реализовать задуманное. Хотя её нынешнее душевное состояние вызывает беспокойство, но, мне кажется, она сможет взять себя в руки.

— А Татьяну? — спросил Николай II.

— Татьяна идеально бы подошла на роль главы Императорской канцелярии, чтобы все предложения и инициативы проходили через неё. Она могла бы некоторые из них отклонять, перенаправлять, переформулировать, дорабатывать. И определять предложения, на которые следовало бы немедленно сосредоточиться. Если говорить про остальных, то Александра Фёдоровна могла бы заняться социальной сферой — больницы, образование, возможно, пенсионное обеспечение. Анастасия, с её харизмой и энергией, по силам возглавить общественное движение, привлекая людей разного возраста, сословий и взглядов, для содействия в реализации программ правительства. Эта общественная работа может стать трамплином для многих людей, позволить общественности и правительству оценить их компетенции и в дальнейшем назначать на различные административные должности.

— А я? — Николай II смотрел мне в глаза.

— А вы, только не обижайтесь, отыгранная фигура. Вы отреклись и теперь должны оставаться в стороне, пообещав передать власть и всё имущество приемнику. При этом, я бы на вашем месте прилюдно и заявил: «На жизнь буду зарабатывать собственным трудом. И жить тем, что заработаю». Я повторяю, что и у вас, и у всех остальных собственников и владельцев капиталов, выбор между тем, чтобы потерять всё или отдать какую-то часть. Если монархия останется, а государственный строй укрепитесь, вы только выиграете, сможете наконец-то расслабиться и жить в своё удовольствие.

— И сколько понадобится средств? И чем же мы будем со всеми рассчитываться?

— Во-первых — это золотовалютные резервы в отделении государственного банка в Омске. Выдадим под них финансовые обязательства, которые необходимо выполнить позднее; во-вторых — это недра и ресурсы нашей страны, они должны контролироваться новой властью. Ими смогут заинтересоваться иностранные бизнесмены. Вместе с ними можно и нужно создавать новые предприятия, работать и зарабатывать. Кроме иностранного капитала, также привлечём внутренний капитал для реализации государственных программ. У нас тоже найдутся оборотистые люди, способные извлечь выгоду из сотрудничества с государством.

— А кто же тогда будет править? Вы ведь предлагаете оставить монархию.

— Да, оставить. Подойдёт конституционная монархия. С парламентом при двухпартийной системе. Выборы в пользу той или иной партии, в результате чего большинство формирует правительство.

— Почему всё-таки двухпартийная, а не больше?

— Так проще: чем больше партий, тем больше противоречий. Одни выигрывают, другие проигрывают. Без коалиций, где каждый будет вынужден чем-то жертвовать, что не позволит выполнять все предвыборные обещания.

— Что останется монархии?

— Утверждение премьер-министра и кабинета министров, или их отставка по вотуму недоверия, если парламент проголосует большинством. Утверждение законов, постановлений и актов. Присвоение наград, титулов, помилование — и прочее, о чём ещё предстоит продумать. Кстати, в нынешней ситуации, это может быть назначение премьер министра и министров, утверждение правительства, до выборов.

— И кого вы видите на троне? Раз я отыгранная фигура.

— Мне кажется, что для этого очень подходит Мария Николаевна.

— Почему Мария?

— А Мария, удивительным образом, нравится всем, устроит всех. В Ольге будут видеть вас, в Татьяне — Александру Фёдоровну, а Анастасию и Алексея будут считать неспособными управлять страной. И остается только Мария. Она, какая-то своя, единственная в вашей семье, кто умеет ладить со всеми. Она, как никто другой, подходит, чтобы привлечь умных, деятельных, преданных стране людей, которые объединятся вокруг неё, для построения, социально-ориентированного, справедливого общества. Генералы, предавшие однажды, вас могут не поддержать, а за Марию Николаевну, как мне кажется, встанут горой. А что касается административных задач, то она с ними прекрасно справится. Я уже рассказывал Вам, как о ней отзывались современники в моём мире. При этом у всех будет полное ощущение, что она на их стороне. Государству очень нужна именно такая фигура. А вы с Александрой Фёдоровной, станете почётными пенсионерами страны, Мария назначит вам достойную пенсию, за имеющиеся перед страной заслуги. И оставит в собственности, скажем, резиденцию в Крыму. Обо всём этом вам придётся поговорить с супругой, детьми и людьми, которым вы доверяете. Потом надо садиться и обсуждать возможные решения.

— Вы нам поможете? — спросил Николай II.

— Ну, на мои советы можете рассчитывать.

— Я о другом, Герман.

— Что вы имеете в виду?

— Найти эти решения и всё организовать? Вы могли бы занять какой-нибудь пост в новом Правительстве.

— Какой?

— Выберите сами – предложил Ксаныч. — Вы ведь видите ситуацию иначе.

Я задумался. Как же так, 18 лет назад я сознательно изменил жизнь, потому что надоело делать из несъедобного съедобное, помогать не очень хорошим людям становиться депутатами и давать рекомендации о том, как им бороться с конкурентами. И, чего уж греха таить, бывало, что советовал, как декретировать кого-либо и что-либо, поверив на слово заказчикам, что тем самым сделаю большое и доброе дело. А ведь я 18 лет жил спокойно и занимался только тем, что мне нравилось, без угрызений совести. И вот опять жизнь меня подводит к тому, от чего я старался держаться подальше.

— Так что скажете? — напомнил царь, глядя на меня в ожидании ответа.

— Вероятно, вы хотите, чтобы я возглавил что-то вроде министерства или ведомство пропаганды?

— Да Герман, именно это и хотел предложить. Ваши знания, навыки, понимание того, что нужно делать, нам просто необходимы. Если меня не будет рядом с девочками, я хотел бы надеяться, что рядом с ними будите вы.

— Это вы сейчас о своей пенсии или о чём-то другом? — Ксаныч смотрел на меня в упор и, кажется, не собирался ничего пояснять

— Нет уж. Даже не думайте. Больше никаких смертей...

Глава 7

Прошло два дня после роспуска правительства. С утра были назначены встречи. Мы троём уже были в кабинете на первом этаже, готовились. Я расположился на диване. Ксаныч с Марией сидели напротив в креслах. Вошёл Шереметьевский и доложил, что в приёмной ожидает аудиенции Михайлов Иван Андрианович, бывший министр распущенного Правительства Директории.

— Иван Интриганович решил всё-таки сам прийти, — высказался я.

— Интриганович, — усмехнулась Мария.

— Так его здесь называют за глаза — прокомментировал я.

— Ну что ж, Мария Николаевна, поздравляю вас с первым рабочим днём, в должности секретаря его Императорского величества. Сделайте серьёзный вид. Не бойтесь задавать вопросы. Будьте в себе уверены. И помните, мы здесь главные.

— Начнем, — сказал Ксаныч, хлопнув по коленкам и вставая, — зовите.

Когда Михайлов вошёл, мы встретились взглядами. Он внимательно смотрел, в ожидании приглашения, команды или даже приказа. Я именно таким себе его и представлял. Высокий молодой человек, безупречно одетый, с высоким лбом и умными глазами. Михайлов, конечно, понимал, что ему жизненно необходимо встретиться с Императором и доказать не только свою лояльность, но и полезность. Ему не было дела до всех болтунов в правительстве, которых разогнали. Он был готов и хотел делать что-то значительное и масштабное. Здесь никто не думал о стране, все силы уходили на то, чтобы бороться с друг другом за власть. Он сразу же протянул мне руку.

— Иван Андрианович Михайлов, член правительства... бывшего правительства.

— Я знаю, кто вы, — я всматривался в его лицо.

— А вы, по всей видимости, господин Измиров, не так ли?

— Ну и чуйка у вас, Иван Интриганович.

Маша хихикнула, прикрывая ладошкой рот. Михайлов начал заметно нервничать.

— Простите, я Иван Андрианович

— А я что сказал? — глядел я сурово.

— А вы... — начал он, но сам себя оборвал. — Вас неверно информировали, интриги не по моей части.

— Проходите, — я указал рукой на диван и два кресла в центре комнаты. А сам остался стоять.

Михайлов уселся на диван, прямо напротив царя. Занервничал. Я продолжал его пристально разглядывать, Михайлов забеспокоился ещё больше, глядя на меня снизу вверх.

Маша первая задала вопрос:

— А собственно, чем вы занимались в правительстве?

— Я министр финансов... был, — сказал Михайлов.

— И что же у нас с финансами? — продолжала интересоваться Мария Николаевна.

— Простите, что? — Михайлов приподнял бровь.

Маша спокойно и доброжелательно повторила

— Какими финансами мы располагаем?

— Ах, вы о деньгах. — Он достал из внутреннего кармана пиджака блокнот, быстро пролистал страницы, бормоча что-то под нос. Найдя нужную страницу, Михайлов начал отчитываться:

— Вот, в Омском отделении государственного банка ... так, поступили средства ... так, так, — бормотал он, — вот всего на сумму ... если округлить, то 650, даже чуть больше, миллиона золотом. Ну, с учётом изменившегося курса, то это почти 10 миллиардов рублей.

— Хорошо, – спокойно и сдержано сказала Мария.

Михайлов начал смотреть на Машу как-то по-другому, с большим уважением и вниманием.

— Может, ты ещё что-то хочешь спросить? — поинтересовался Ксаныч у Марии.

Маша по глазам отца поняла, у неё карт-бланш. Ей очень хотелось произвести на отца впечатление. Она быстро собралась,

Иван Андрианович был ошеломлён отчитываясь перед молодой девушкой, пусть даже дочерью царя. Может быть таким образом Николай II демонстрирует своё пренебрежение к нему? Или у неё реальное влияние, и от её решений многое зависит? Тогда нужно постараться понравиться ей. Эти дураки в Правительстве не понимают силу царской семьи. Царь не одинок: у него есть не только загадочный Измиров, но и семья: умные, смелые, отважные люди, от решения которых всё зависит. Все недооценили их. О Марии Николаевне говорили: кроткая, застенчивая, ничего не решает. Какие глупости! Царь не просто слушает её — он доверяет ей ответственные решения. Эти мысли заставили Михайлова мобилизоваться.

— Итак, – начала Мария Николаевна, — у нас есть средства для проведения первоочередных мероприятий и реализации намеченных планов, – она посмотрела на отца, тот кивнул. – И то, на что в первую очередь пойдут эти средства, вам объяснит Герман Александрович Измиров.

— Но, позвольте — начал было Михайлов, — кто же ему позволит тратить? ...

— Мы, – совершенно чётко и уверенно высказалась Мария Николаевна.

— Мы! - ещё жёстче произнёс Николай II.

— Бе-без одобрения правительства и Ду-думы? — слегка заикаясь спросил Михайлов.

— Ваше Правительство и Дума нам не нужны. Более того, они вредны, вводят в заблуждение своими заявлениями наших подданных, – заключил император.

— Как по мне, — вмешалась Маша, — всё ваше правительство нужно было не только разогнать, но и спросить с вас за устроенный бардак! Взались за дело и не сделали ничего, одни склоки и хаос. Мне уже рассказали, что тут творилось. А нам нужны люди, готовые нести ответственность за слова и действия. И вообще, ваше Правительство — самозванцы, а с такими, сами знаете, как у нас поступают. Так что мы ещё к вам снисходительны. А может, всё-таки расстрелять всех этих самозванцев?! — Повернулась она к отцу с предложением. Тот взглянул на дочь, пытаясь понять, шутит она или говорит в серьёз. Ему показалось, что всерьёз.

— Ну зачем же такие крайние меры, — Михайлов поверил. Поверил, что теперь члены бывшего Правительства могут обойтись не только домашним арестом. «Самозванцы», — пронеслось у него в голове. Он отчётливо представил, как эта девушка командует расстрелом всех находившихся в Омске членов бывшего Временного правительства, в том числе и его.

— Но я-то готов... Я готов... У меня есть предложение... Меня никто не слушает, они все дерутся за портфели... Об остальном совершенно не думают. Но я-то, поверьте... готов.

Михайлов вспотел.

— Хотите предложить что-то конкретное? — Царь смотрел на него с недоверием и пренебрежением. — Сколько времени вам нужно, чтобы подготовить детальный отчёт о финансовом состоянии на текущий период и необходимых мерах стабилизации финансовой системы в стране?

— Неделю, — засуетился Михайлов.

— Даю вам 3 дня... нет, это много... 2 дня. Через 2 дня, вы должны письменно представить конкретные предложения. – Царь, как будто, заведомо давал невыполнимое задание, чтобы затем приговорить к чему-то страшному. — Если в течение этих дней вам нужна будет информация или разъяснение, можете связаться с Марией Николаевной. Ей же и представите отчёт.

— Мы надеемся, – подключилась Мария Николаевна, — что ваши предложения будут не очередной демагогией, а реальными планами для улучшения ситуации в стране.

Маше и самой нравилось то, как она говорит и что она говорит. Она чувствовала себя уверенно и, кажется, всегда была готова к таким серьёзным беседам, просто раньше ей не предоставлялась такая возможность.

Царь поднялся с кресла — разговор окончен.

— Можете идти, – сказал он.

— Извините, Ваше Императорское высочество, – обратился Михайлов к Марии, — большая часть материала, с которым мне предстоит работать, находится в правительстве. А я слышал, что все его члены, кто слушается и возобновит работу, будут арестованы. Как же тогда быть? Дома будет совершенно невозможно подготовить отчёт и успеть за отведённый вами срок.

— Вас это не коснётся, можете передвигаться свободно, — успокоил его Николай II, — а ещё мы бы хотели получить от вас некоторые рекомендации по поводу людей, готовых быть нам полезными в реализации планов. Мы вас посвятим в них, когда убедимся в компетенции. Ваши рекомендации будут не единственными, но, надеемся, что они помогут найти нужных людей.

— Я всё сделаю, – голосом верноподданного произнёс Михайлов.

Выходя, он был доволен, что прислушался к интуиции и всё-таки проявил некоторую решительность, заставив себя прийти на аудиенцию. Кажется, что теперь у него появился шанс не только проявить себя, но и добиться чего-то значительного не только в карьере, но и в личной жизни. Он по-прежнему ощущал какую-то дрожь в теле. Но и облегчение. Ему дали шанс, и он обязательно им воспользуется.

Вошедший в кабинет Шереметьевский доложил, что на первом этаже образовалась очередь, из желающих встретиться с императором. Я не вмешивался и просто наблюдал.

— Жалобщики, — разочаровано произнёс Николай II.

— Это может быть нам полезно, — неожиданно сказала Маша.

— Чем? — поинтересовался Ксаныч, посматривая в мою сторону.

— Если они пришли жаловаться, значит признают за нами власть. Нужно выделить главные проблемы, которые мы сможем решить немедленно и тем самым укрепим авторитет и власть.

Я был впечатлён Машей.

Николаю II очень понравился ответ дочери.

— А на счёт расстрела, ты это серьёзно или пошутила?

— Серьёзно... – Маша сделала паузу, выжидая реакцию отца, лицо её было очень серьёзным, – пошутила, – улыбнулась она. — Но ведь поверил...

Она стояла лицом к лицу с отцом. Николай II тоже улыбался.

— Ты очень быстро повзрослела, моя девочка. И у тебя открылись новые таланты.

Глава 8

3 августа был оглашён приказ о переподчинении Чехословацкого корпуса Российским войскам и снятие с должности командира корпуса Шокорова Владимира Николаевича. Накануне я объяснил Ксанычу, что его и так сместят с должности и поставят Яна Сырового. Авантюрист, которого в моем мире считали причастным к исчезновению части золотого запаса Российской империи и предательстве руководителей белого движения. Его назначение нельзя было допустить. Вместо Шокорова я рекомендовал императору на первое время Дитерихса Михаила Константиновича, с чем тот согласился. Дитерихс предложил императору, как Верховному главнокомандующему, утвердить на своё место Сергея Николаевича Войцеховского с присвоением тому звания генерал-майора. В разговорах с Ксанычем о возможных приемниках Дитерихса, я упоминал несколько кандидатур. Одна из них — Войцеховский. Я рассказал Ксанычу, что, командуя чехословацкими пехотными полками, он в моей реальности, да и здесь тоже, без потерь взял Челябинск. После чего был назначен командующим армейскими частями Челябинского и Уральского фронтов.

В июне 1918 года Войцеховского произвели в полковники и назначили командующим Западной группой войск. Он взял Троицк и Златоуст. В августе–сентябре его группа, в моём мире, вела бои под Екатеринбургом, Нижним Тагилом, Кунгуром и Тюменью. Полковник лично руководил захватом Верх-Нейвинского завода, затем взял Нижний Тагил. 17 октября ему присвоили звание генерал-майора. Император кандидатуру одобрил.

Я поинтересовался у Дитерихса, будет ли ему полезен Мамонтов Николай Петрович. Из истории я помнил о чехословацких legionерах в Русской Императорской армии. Мамонтов — один из них: в июне 1917 года его полк прорвал фронт и взял более трёх тысяч австро-венгров в плен. После он стал командиром Чехословацкой стрелковой бригады, а затем некоторое время командовал всей 1-й Чехословацкой дивизией. Зная несколько языков, он без труда освоил чешский язык. Будучи русским командиром национальной дивизии, он общался с подчинёнными на их родном языке. В конце 1917 года из-за разногласий с руководством покинул корпус. Дитерихс не удивился моей осведомлённости: «Тогда вы наверняка знаете, где его найти». Я признался, что знаю, и, если он нужен, готов содействовать его прибытию в Омск. Дитерихс согласился, назвав его талантливым военачальником.

4 августа уволили Сырового и ещё нескольких офицеров, мешавших установлению железной дисциплины в корпусе. Дитерихс и прибывший Войцеховский за неделю навели порядок в подчинённых им войсках. Личному составу объявили: что они в качестве legionеров, остаются военнослужащими Российской армии ещё на полгода, с повышенным денежным довольствием; по истечении срока желающим оплатят проезд домой, а заключившим новый контракт — удвоят жалование. Дитерихсу поручили разработать план создания вооружённого интернационального контингента из военнопленных на подконтрольных территориях — как имеющему опыт подобной организационной работы.

Я, не советуясь с Ксанычем, запустил слух, что Сыровый с приближёнными подозревались в продаже оружия с целью наживы. Глеб, по моей просьбе, как бы случайно сказал об этом, по секрету, одному болтливому офицеру. И информация молниеносно распространилась. Формулировка была такой: корпус содержался на деньги Российского государства, а значит, такие деяния приравниваются к казнокрадству. По распространённым мною слухам, я будто убедил императора не учинять следствие и разбирательство, — что привело бы к аресту фигурантов. Вместо этого посоветовал просто уволить их со службы. Собственно, это был ещё и намёк для других. Таких как Радола Гайда, ещё один авантюрист, который тоже не был чист на руку и представлял собой мину замедленного действия в Чехословацком корпусе. Его личные интересы всегда оказывались выше любых других. От него можно было ожидать чего

угодно. Я помнил про это, решив, что сначала присмотрюсь к нему, а потом уже подумаю, что делать.

Глава 9

За обедом Николай II предложил семье сразу после трапезы пойти погулять в губернаторском саду. Все согласились.

Когда вышли из дворца, то вся группа охраны рассредоточилась таким образом, чтобы подойти к царской семье было совершенно невозможно.

Чтобы пройти в сад, им пришлось обойти караул из казаков. Маша вдруг замедлила шаги, обернулась, всматриваясь в лицо одного из казаков. Потом вернулась и обратилась к одному из караульных:

— А я Вас помню, — начала Мария Николаевна. — Вы отца в ставке охраняли. 2-я Оренбургская сотня, так ведь?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество, — громогласно ответил казак.

— Вы — Прохор Пантелеевич?

— Так точно, — раздался опять громкий голос казака.

— А виделись мы в пятнадцатом, я ещё разговаривала с вашим товарищем, односельчанином, он мне про свою семью рассказывал. Я ничего не напутала? Он здесь с вами?

— Господи, — воскликнул казак и, забывшись, стащил папаху с головы, — убили маво земляка, Ваше Императорское Высочество, в прошлом году... у речки Стоход его схоронили.

— Убили? — Маша удивилась и расстроилась. Ненадолго замолчала, о чём-то задумавшись...

— Я помолюсь за вас... за всех, чтобы живы вы остались. Ненужно вам умирать, никому из вас умирать не нужно. Мы потом с вами поговорим, обязательно. Вы мне о жизни своей расскажите, как случится вам.

Стоявшая рядом и наблюдавшая за происходящим императрица вмешалась в разговор.

— Мы все вместе за вас помолимся, — пообещала она.

— До свидания, Прохор Пантелеевич, — лицо Марии было опечаленным.

Александра Фёдоровна обняла одной рукой дочь и увела в сторону, к остальным. Те остановились неподалёку, слышали разговор и видели, как казак перекрестил спины Марии и императрицы. И, обернувшись к сослуживцам, вытирал слезу.

— Столько времени прошло, а она меня по отцу помнит... Господи, братцы, сама чудом выжила, а о нас молится.

Маша шла расстроенная и взволнованная словами казака. Ей ещё раз напомнили, что смерть ходит рядом и никого не щадит. Она думала о том, что должна помочь отцу найти способ образумить людей и остановить кровопролитие. Обещала себе, что будет размышлять об этом каждый день. Ей захотелось прижаться к Глебу, но он, как и вся охрана, шёл в метрах 5 от неё.

— Папа, — обратилась она к отцу, — я в беседке посижу, а вы идите.

— Глеб Николаевич, — обратился Николай II к Вершинину, — останьтесь с Марией Николаевной.

Тот кивнул.

Глава 10

После обеда тоже были назначены встречи, на которых я должен был присутствовать, но с Шереметевским задержался. Взял его с собой, чтобы объехать местные редакции газет и типографии. И, как это бывает, встречи затянулись.

Доклад об ожидающем в приёмной Пётре Васильевиче Вологодском делал Малиновский. Николай II не придавал этому значения, распорядившись пригласить визитёра. Вошёл мужчина лет 50—55, приятной, интеллигентной наружности.

— Здравствуйте, Ваше Императорское Величество, добрый день Ваше Императорское Высочество, — Володарский прибывал в хорошем настроении.

— Разрешите представиться — Пётр Васильевич Вологодский, председатель Совета министров Временного Сибирского правительства... бывшего правительства. Мне передали, что и я должен к Вам явиться.

— Мари, — обратился Николай II к дочери, — ты не знаешь, где сейчас Герман Александрович?

— Он меня предупредил, — ответила Маша, — что они вместе с Андреем Андреевичем уехали знакомиться с газетчиками, а потом должны были заехать в несколько типографий. Герман Александрович мне пояснил, что Андрею Андреевичу придётся часто с этими людьми встречаться, поэтому тот должен со всеми познакомиться. Видимо задержались.

— Жаль, — заключил Император, — ну, тогда начнём без него. Каких вы взглядов? — сходу спросил государь.

— Я областник, выступаю за автономии регионов России и реформы...

— Опять про реформы, — вырвалось у Маши. — Вы против монархии?

— Разве не самодержавие виновато в том, что сейчас происходит в государстве? — произнёс Вологодский, заканчивая фразу не таким уверенным голосом как в начале разговора.

Николай II хотел что-то ответить, но взглянув на Машу, выражением лица, как бы сказал "вот, с такими людьми придется иметь дело".

— Да, уж — произнесла Маша вслух, толи в ответ, на немой монолог отца, толи начиная свой собственный.

— Всё последнее время, — сказала Маша, — мы только и слышим рассуждения о том, кто виноват. И только один человек, которого мы встретили, ясно представляет, что нужно сделать, для того, чтобы стало лучше. А все остальные не могут предложить ничего путного. Скажите, Пётр Васильевич, вы, критикуя чьи-то действия, сами имеете ясное представление о том, как сделать лучше? Вы готовы что-то сделать, не боясь, что и вас будут критиковать?

Пётр Васильевич растерялся, не ожидая от одной из младших дочерей Николая II таких речей.

— Наша семья, — продолжала Маша, — отчаянно ищет решение, чтобы всё исправить. Допустим, ошибки и недоработки есть. Но нужно ли сейчас говорить о том, кто виноват? Разве разумно тратить время на споры, обвинения и причитания? Нужно отбросить все обиды и претензии. Мы теряем время — и теряем государство. Стоит ему ослабнуть — и оно может перестать существовать. Неужели вы этого хотите?

— Нет, конечно нет, разве можно этого хотеть? Нужны реформы, может быть даже радикальные.

— Да, что же это! — Мария повысила голос, — радикальных реформ стране уже хватило! Вы чуть не погубили её! Из-за них к власти пришли злодеи со своими разбойничьими порядками, для которых грабить и убивать — дело простое. Время показало, что реформы нужны. Но мы будем категорически против любых радикальных реформ. Политики, предлагающие такие реформы, сейчас не помогают России, а участвуют в её разрушении.

— Но вы не учитываете... — начал Вологодский.

— Хватит! — отрезала Маша. — Вы либо с нами и будете делать то, что мы скажем, либо идите к чёрту со своими прожекторами.

— Или — или, — произнесла Мария, глядя в глаза Петру Васильевичу.

Тот застыл, широко раскрыв глаза и открыв рот.

— Решайтесь, — продолжала она. — Когда будете готовы — приходите. Я надеюсь, вы сможете убедить нас, что вы готовы служить России, и что у Вас есть дельные предложения, светлые мысли и серьёзные намерения. Предстоит много работы и умные, преданные люди нам очень нужны.

В разговор вмешался Николай II:

— Идите и подумайте, сможете ли вы служить, не вдаваясь в политику?

Вологодский, пребывая в состоянии оторопи, откланялся и вышел. Маша обратила внимание, что настроение отца улучшилось.

— Молодец, — похвалил он Марию.

— Этот Вологодский не самый плохой человек, — продолжил Николай II, — и мне так жаль, ведь тебе придётся столкнуться не только с плохими людьми, но и с той гнусностью, которую они будут творить. И это тебя изменит, неизбежно изменит. И нашей милой, доброй Мари больше не будет.

— Папа, они доброту за слабость принимают, — в одну секунду вспыхнула и тут же погасла Мария. И уже спокойно продолжила:

— Нам всем суждено неизбежно измениться. Главное, чтобы мы были вместе и сохранили свою любовь, преданность и веру друг к другу...

Глава 11

По моему предложению завтракали и ужинали в столовой большой компанией. Помимо царской семьи, Софьи Карловны с Елизаветой Николаевной Эрсберг и Александрой Теглевой присутствовали Глеб с Дарьей, Андрей Шереметевский, Николай Деллингсгаузен, Дмитрий Малиновский, Константин Попов, Ахвердов, Гершельман и Ярцов. Собственно, все, кто жили на втором этаже, за исключением Кости Попова — его поселили в жилых помещениях для караула, находившихся в одноэтажной постройке за губернаторским дворцом. А вот обедала царская семья исключительно одна. И, кстати, ужин теперь Николай II, то ли с иронией, то ли серьезно, начинал с фразы:

— Ну, что хорошего вы сегодня сделали.

За ужином всегда было о чём поговорить. Все как-то быстро сдружились, легко общались и помогали друг друга.

А сейчас, после завтрака, Александра Фёдоровна попросила Марию и Глеба задержаться. Когда столовая опустела, Александра Фёдоровна обратилась к дочери:

— Ты говорила, что хотела прогуляться вместе с Глебом Николаевичем?

Маша лишь однажды просила у матери разрешения пройти в сопровождении Глеба по Любинскому проспекту, но получила категорический отказ. И вот теперь, спустя несколько дней, она сама это предложила. Маша тут же уцепилась за это.

— Да, мы сегодня хотели прогуляться по Любинскому, пройти по магазинам, я собиралась у Вас попросить разрешения.

— Да, прогуляйтесь. Когда планировали пойти? — обратился Николай II уже к Глебу.

Тот, растерянно смотрел на Машу.

— Так... сразу после завтрака — отрапортовала Маша, не давая Глебу вставить слово.

— Хорошо, отправляйтесь после завтрака, но до обеда возвращайтесь, — сказал император.

Первым делом они отправились в магазин Шаниной.

Маша очень хотела, чтобы Глеб сменил гардероб. Он был не против, и доверил выбор Маше, но, больше всего, ему хотелось заказать у Шаниной кобуру для своего Кольта, с португальским ремнем, для ношения под рукой.

Глеб пытался объяснить Маше, как это практично, но она поняла только одно — эта вещь ему очень нужна. Он сетовал, что сейчас ему приходится носить оружие в кармане, а это очень неудобно.

Ничего из того, что им было нужно, не было в наличии, но Шанина, пообещала, что всё сможет достать в течение двух недель.

Они успели зайти в Успенский собор, прогуляться по саду возле Свято-Никольского казачьего собора, посидеть в беседке около Генерал-губернаторского дворца, но пришло время возвращаться.

Когда они поднялись на второй этаж, и приблизились к столовой, то увидели вышедших родителей Маши. Мария попросила Глеба обождать, подошла к ним и увидела, через открытую дверь, что в столовой ещё сидели сёстры и брат. Какая-то тревога охватила Машу.

— Что-то случилось? — поинтересовалась она.

— Нет, что ты, — успокоила её Александра Фёдоровна, — мы просто беседовали.

Но когда к ним вышла Анастасия и обняла Машу, тревога усилилась. После Алексей, Ольга и Татьяна присоединились к Насте, отчего волнение Марии достигло пика.

— Что случилось, пока нас не было? — У Маши началась истерика. — Вы что уезжаете, а меня оставляете?

— Нет, — совершенно спокойно произнёс отец.

— Тогда что? Я опять должна уехать с кем-то из вас? Учтите, я без Глеба никуда не поеду, — требовательно сказала Маша.

Николай II, поцеловав дочь в лоб, проговорил:

— Нет, Мари, никто никуда не едет, мы все остаёмся, Глеб тоже.

Маша громко выдохнула, но ей почему-то захотелось плакать.

— Но я чувствую что-то случилось, — её голос стал умоляющим.

Первой отреагировала Ольга:

— Ты со всем справишься.

— А мы тебе поможем, — добавила Татьяна.

Машу охватило внутреннее беспокойство: она не понимала, что происходит.

— Всё будет хорошо, — постаралась успокоить дочь Александра Фёдоровна. — Мы действительно говорили о тебе и все вместе приняли важное решение. Сейчас ты всё узнаешь.

— Давайте вернёмся. — Предложил Николай II.

Глеб, наблюдавший за происходящим, прокручивал в голове одну и ту же мысль. «Только бы мы остались вместе, только бы вместе». Когда он приблизился к двери, то услышал расстроенный голос Марии.

— Я не хочу! Мне это не нужно! Лучше бы я молчала, и рот не открывала ...

Когда Дарья прибежала ко мне, чтобы рассказать, что Маша заперлась в кладовке их спальни и плачет, а она не знает, что делать, я попросил разыскать отца Марии и привести в их комнату, куда сам и отправился. Войдя, я услышал тихие всхлипы.

— Мария Николаевна, пустите. Мне тоже надо от всех спрятаться, и чтобы меня кто-нибудь пожалел. Давайте вместе грустить. Я вам о своих невзгодах расскажу, а вы, если захотите, расскажите о том, что вас так расстраивает.

Всхлипы прекратились. Маша открыла дверь, в руке у неё был рисунок.

— Так обидно, ведь мне совсем другого хочется. — Проговорила Маша, проходя мимо меня и вытирая рукой глаза. Она села на стул.

Дашка оказалась очень расторопной — Николай II появился сразу же, как Маша успокоилась. Меня разбирало любопытство узнать, что же изображено на рисунке.

— Можно взглянуть?

Маша молча протянула мне листок. Я стоял, ошеломленный. Моё состояние привлекло императора. Он тоже взглянул на рисунок. Там была изображена Мария в красивом платье с короной на голове и пистолетом в руке, заслоняя собой силуэт молодого парня, в котором угадывался Глеб.

— Это нарисовала Полина? — Спросил я.

— Да. — Ответила Маша обречённо.

Рисунок забрал Николай II. Он стал прохаживаться по комнате, не отрывая взгляда от изображения. Потом, не сказав ни слова, вышел из комнаты, и мы с Марией остались наедине.

— Это ведь вы всё придумали и подсказали отцу? Наверное, и Полину тоже вы подготовили? — Спросила она, пристально вглядываясь в меня.

— Ну, Мария Николаевна, это как-то даже обидно. Я с Полиной общался на ваших глазах. И ни о чем её не просил, не говорите ерунду. Ваша семья приняла это решение без моего участия. Но я действительно высказался, что считаю Вас лучшим выбором.

— Простите, Герман Александрович, ради бога. Я уже себе всякого насочиняла. Думаете, это судьба?

— Думаю, что вы будете не только самой красивой императрицей, но и умной, решительной, бесстрашной, ответственной, справедливой и удачливой. Я в это верю и хочу, чтобы вы тоже поверили.

— Я всё понимаю. Я должна, это мой долг.

— А вот и не всё, — вмешался я. — Вам предоставляется шанс устроить жизнь так, как вам хочется. Хотите любить – любите. Хотите, чтобы любимый был рядом с вами, так воспользуйтесь положением. Кто посмеет вас осудить?

Маша смотрела на меня внимательно и заинтересованно.

— Думаете, это возможно? — наконец спросила она.

— Всё зависит от вас. Только вы способны сделать так, чтобы ваши желания не навредили общим планам, чтобы счастливы были не только вы, но и подданные империи. Вам ведь это по силам?

Мария смотрела на меня взглядом человека, принявшего важное решение. Её глаза заблестели, а на лице появилась улыбка.

— Что ж... Да будет так! — сказала она, и в голосе прозвучало облегчение.

Глава 12

— Шанина Мария Александровна, купчиха первой гильдии, — представил Волков семье императора немолодую, полную женщину.

Она едва заметно улыбалась, скрывая радость и волнение от встречи. Шанина подошла сначала к Николаю II, засвидетельствовать почтение, затем к Александре Фёдоровне и к великим князьям. С Марией они успели поговорить о заказе Глеба, она пообещала, что всё должно прибыть вовремя. Последним Волков представил меня:

— Это Герман Александрович Измиров, советник его императорского величества с чрезвычайными полномочиями.

О Марии Александровне я знал из публикации в интернете: о купчихе-меценате Шаниной, о выдающемся хирурге Артуре Ивановиче Фогеле, который лечил в своей больнице и белых, и красных, о деятельном Фёдоре Васильевиче Мелёхине — основателе музея имени Врубеля, разместившегося во дворце генерал-губернатора, и о многих других людях, живших в Омске, в те судьбоносные годы, и кем Омичи гордятся. С этими людьми мне очень хотелось познакомиться, и вот представился шанс.

— Восхищаюсь вами, вашим предпринимательским талантом, энергией, смелостью и современным подходом к ведению дел, а также участием в судьбе города и его жителей. Вас не зря называют княгиней торговли. Но я бы вас назвал по-другому — королевой сибирской торговли.

Шанина заулыбалась.

— Мне бы очень хотелось посетить ваш магазин, — продолжил я.

— Вы знакомы? — Поинтересовался Волков.

— К сожалению, нет, но я очень много слышал об Марии Александровне.

— И что же? — поинтересовалась Александра Фёдоровна.

— Мария Александровна, вы не будете против, если я вас отрекомендую Августейшему семейству?

Шанина кивнула.

— Мария Александровна — уважаемая, предприимчивая и щедрая дама. Вдова уже 21 год. У неё три дочери, которым она успевает уделять внимание, несмотря на очень большую загруженность. Омские власти наградили Марию Александровну званием почётного гражданина города. К сожалению, как женщина, она не могла быть членом думы. Хотя, могла бы сделать очень много на этом поприще. Тем не менее, власти всегда прислушивались, и прислушиваются к её авторитетному мнению.

— Мария Александровна — одна из главных благотворительниц Омска, — продолжил я. — С конца 1890-х входила в городское благотворительное общество. За благотворительную деятельность, в 1905 году, была награждена Малой золотой медалью на Станиславской ленте. Жертвовала пострадавшим, бедным, голодающим, на выставки и институты. Помогает сиротам, студентам, гимназистам, молодожёнам. Между прочим, на попечении Марии Александровны находятся одиннадцать детских приютов и школ. Она является покровительницей художников, артистов и писателей родного города, финансово поддерживает музыкальное общество Омска. На её деньги ремонтировали здания, в городе.

Два года назад, она сделала самый большой взнос — на создание в городе Народного университета. К сожалению, реализации этого замысла помешали революция, и Гражданская война. Но, думаю, что и это её начинание обязательно будет воплощено в жизнь.

Ну, и конечно же её магазин, на пересечении Любинского проспекта и улицы Гасфортовской — это просто архитектурная жемчужина Омска. Особенно он красив вечером, когда освещается ярким светом электрических ламп. Ассортимент огромен: от одежды, обуви и голов-

ных уборов до ювелирных изделий, часов, граммофонов и фотоаппаратов. Жаль, опоздали на распродажу, а то бы обязательно, прикупили хороших, качественных вещей, со значительной скидкой. Кстати, Мария Александровна, я бы хотел у вас кое-что заказать, для себя, но об этом мы поговорим позже.

— Надеюсь, что ничего не упустил? – посмотрел я на Шанину, а затем на царскую семью.
— Моих рекомендаций, достаточно?

Александра Фёдоровна первой подошла к купчихе и, едва заметно улыбнувшись, сказала:

— Знаете, Мария Александровна, мне кажется, мы с вами подружимся.

Дальше было обсуждение того, что можно у Марии Александровны купить из имеющегося в наличии. Она предусмотрительно привезла с собой каталоги.

Мария, во время беседы с Шаниной указала взглядом на Дарью, стоявшую в углу залы, Мария Александровна внимательно рассмотрела девушку, потом кивнула Маше и они продолжили обсуждение. Ну, понятно, Маша попросила за подругу, чтобы та приоделась. «Держись, Андрей Андреевич, Дашка и так девка красивая, а если приодеть, так и вовсе придётся отбивать у соперников», — подумалось мне.

Ждать пришлось долго. Я успел несколько раз прогуляться по коридору, послушать разговоры охранников. Увидев освободившуюся Шанину, я попросил её задержаться.

— Скажите, – начал я, – у вас есть мастерицы, которые смогут связать одежду на заказ?

— Да, есть, что именно вас интересует?

— Вы, вероятно, заметили, что я не придерживаюсь правил и не ношу формы, костюмов и прочую официальную одежду. На мне был свитер, подаренный Ахвердовым.

— Вам это позволяют? – поинтересовалась Шанина.

— А я никого не спрашиваю, им всем просто приходится с этим мириться. В общем, вместо пиджаков я предпочитаю вязаные свитера, джемперы и кардиганы. Собственно, их я и хотел у вас заказать. Я нарисую эскизы и подробно объясню, что мне нужно.

— Тогда мы обязательно это свяжем. Что-то ещё?

— Ну, брюки, рубашки и обувь я надеюсь подобрать в вашем магазине, как только вы сможете меня там принять. И ещё кое-что. Можете мне порекомендовать ювелира для изготовления ободка для волос?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.